
КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Если кто самозванно выступит в ином государстве в качестве 941
государственного посла или глашатая; если какой-нибудь посол
известит не о том, что ему было поручено, или, с другой сто-
роны, неверно передаст ответы, полученные от неприятелей или
друзей,—иными словами: если человек явно злоупотребит своим
званием посла или глашатая, против него надо возбудить судеб-
ное дело, так как он, вопреки законам, нечестиво нарушил пору-
чения и наставления Гермеса и Зевса. В случае признания его ви-
новным, надо определить ему то или иное наказание или пеню. В

Кража чужой собственности — поступок неблагородный, а
грабеж — бесовестное дело. Никто из сынов Зевса не прибежал,
для собственного удовольствия, ни к тому, ни к другому ни путем
обмана, ни путем насилия. Стало быть, никто не должен дать
себя убедить и обмануть поэтам и всяким другим баснословам,
будто можно пренебрегать этими вещами; нельзя, совершая
кражу или насилие, считать, что в этом поступке нет ничего
позорного, раз уже сами боги тоже так поступают. Такой взгляд
далек от истины и неправдоподобен; нет, кто поступает так
беззаконно, тот не бог и не чадо божие. В этой области зако- С
нодателю подобает иметь больше сведений, чем всем поэтам
вместе. Кто послушен нашему учению, тот благоденствует, и
да благоденствует он всегда! Ослушник же пусть поборется
с каким-нибудь таким законом: кто украдет что-нибудь из обще-
государственного достояния, — все равно, значительную ли вещь
или мелочь, — того должно постигнуть одинаковое наказание.
Дело в том, что даже и при мелкой краже побуждение было все
то же — только сил у вора было меньше. А человек, похитивший

что-нибудь большое, не им самим отложенное, совершил вполне несправедливый поступок.

Итак, закон требует и в том и в другом случае одинакового наказания, независимо от размеров кражи. При этом имеется в виду, что в одном случае преступник еще может, пожалуй, исправиться, а в другом он уже неисправим. И вот, если, при судебном разбирательстве, уличат в краже общегосударственного достояния какого-нибудь иностранца или раба, он, естественно, еще может исправиться; пусть суд решит, чему его подвергнуть или какую пеню он должен уплатить. Зато горожанина, воспитанного так, чтобы он в будущем стал именно воспитанным, надо счесть, пожалуй, неисправимым и покарать смертью, если он будет уличен в насильническом расхищении своего отечества; при этом безразлично, захватят ли его на месте преступления или нет.

2

Что касается военных походов, то здесь надо многое обсудить, да и законов придется, так или иначе, дать немало. Самое главное положение такое: никто никогда не должен быть без начальства, ни мужчины, ни женщины; ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен иметь привычку действовать по собственному усмотрению; нет, всегда, и на войне и в мирное время, надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать за ним; даже в самых незначительных мелочах надо руководствоваться его указаниями, например, по первому его приказанию, останавливаться на месте, идти вперед, заниматься упражнениями, мыться, кормиться, пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступать от него иначе, как по разъяснению начальников. Словом, пусть человеческая душа путем навыка приучится к тому, чтобы совершенно не знать и не уметь поступать отдельно от других людей; пусть жизнь всех людей станет всегда как можно более сплоченной и общей. Ибо нет ничего лучше, полезнее и искуснее этого — и да не будет! — для достижения на войне удачи и победы.

В этом надо упражняться с самых молодых лет и в мирное время, именно: начальствовать над другими и самому быть под началом у других. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям. Надо водить хороводы, предаваться всяческим видам хореи, раз она имеет в виду военные отличия. Ради этой же цели надо развивать подвижность и ловкость, воздержанность в пище и в питье, выносливость в зимние холода и в том, что им противоположно, в спанье на жестком ложе; самое же главное — не портить силу головы и ног, облекая их чуждыми покрывами: ведь этим губят свойственную людям природу волосяных покровов и естественной обуви. Поддержание этих крайних оконечностей нашего тела в здоровом состоянии имеет очень важное значение для всего тела, плохое же их состояние отражается чрезвычайно вредно; ноги во всяком теле исполняют наиболее служебную обязанность, голова же наиболее главенствующую, так как именно в ней сосредоточены природою все главные органы чувств.

Такую похвалу воинственной жизни следует услышать молодому человеку, а, с другой стороны, и следующие законы: кто будет зачислен или кто будет назначен в какой-нибудь отряд, тот должен отправляться в поход. Если кто уклонится от этого по злостной небрежности, без разрешения на то военачальников, то его, когда войско вернется из похода, надо привлечь к суду военных правителей за уклонение от военной службы; все бывшие в походе принимают участие в суде, однако порознь: гоплиты, всадники и, точно так же, представители остальных родов оружия; провинившихся гоплитов надо привлекать к суду гоплитов, провинившихся всадников — к суду всадников и так далее, словом — к суду представителей данного рода оружия. Признанный виновным навсегда исключается из состязаний в доблести, не может привлекать к суду другого по обвинению в уклонении от военной службы, не может выступать обвинителем в подобных делах; кроме того, суд назначит ему дополнительно какое-нибудь наказание или денежную пеню.

После того, как будет закончено судебное разбирательство по вопросу об уклонении от военной службы, начальники каждого рода оружия созывают опять собрание, на котором всякий желающий присуждает знаки отличия своим товарищам по ору-

- С жию; при этом нельзя ссылаться на предшествовавшие войны, приводить их в подтверждение и закреплять свидетельскими показаниями; надо основываться только на походе, совершенном в последний раз. Победным отличием для каждого будет служить венок из листьев оливы. Его можно посвятить, по своему выбору, в святилище богов, покровителей войны, с надписью, свидетельствующей, за какое отличие всей жизни был присужден этот венок. То же самое можно сделать и с наградой, полученной во второй и третий раз.
- Д Если кто отправится в поход и, до истечения срока, вернется домой, между тем, как правители еще не дали распоряжения о возвращении, то против него возбуждается обвинение в дезертирстве, и дело это решается теми же судьями, что ведают делами об уклонении от военной службы; для признанных виновными назначаются те же наказания, что и в первом случае. При назначении любого наказания для человека, каждый должен опасаться, как бы по возможности не назначить незаслуженного наказания, хотя бы даже невольно, а уже тем более не делать этого умышленно. Ибо Правда справедливо слывет теперь, да и раньше слыла, девственной дочерью Совестью, а лож естественно, ненавистна Совестью и Правде¹²⁰. Итак, и в остальных вопросах надо быть осторожным, как бы не нарушить правосудия; в особенности же это следует делать при разборе дел по вопросу о сложении с себя на войне оружия, как бы не ошибиться и не счесть позором, достойным порицания, неизбежную необходимость бросить оружие; как бы незаслуженно не назначить наказания человеку, его не заслуживающему. Правда, здесь очень не легко разграничить случаи, вынуждавшие бросить оружие, от других; все же, так или иначе, закон должен попытаться произвести это разграничение в отдельных случаях.
- 944 Привлечем на помощь сказания и приведем примеры: если бы Патрокл, принесенный к шатру без оружия, пришел в себя — как это бывало с бесчисленным множеством людей, — а между тем Гектору досталось то первоначальное вооружение, которое, как говорит поэт, боги даровали Пелею, при его браке, в приданое Фетиды, то в таком случае тогдашние подлые¹²¹ люди получили бы возможность упрекнуть сына Менетия в том, что он бросил оружие¹²². Затем можно привести всех тех, кто поте-

рял свое оружие при падении с кручи, или на море, или в местностях, подверженных бурям, когда на воинов вдруг изливаются обильные потоки воды; словом, есть бесчисленное множество подобных случаев, которыми можно извинить себя, отговориться и прикрасить свою беду, впрочем, легко могущую быть оклеветанной. Поэтому надо, по мере сил, отграничить случаи большей и более тяжелой беды от им противоположных.

Впрочем, некоторое такое отграничение заключается уже чуть что ни в самом словоупотреблении при высказывании порицания. Дело в том, что не во всех случаях правильно было бы говорить о *бросившем свой щит*, но лишь о *потерявшем свое оружие*. Ведь не в одинаковом положении оказались бросившими свой щит тот, у кого он был отнят насильно, и тот, кто самовольно его кинул; здесь огромная разница по существу.

Поэтому закон пусть гласит так: если кого захватят враги, он же не обратит на них своего оружия, не даст отпора, а самовольно кинет или бросит свое оружие, т. е. предпочтет бегством сохранить свое позорное существование, а не мужеством снискать прекрасную блаженную смерть, то, при подобной утрате оружия, он подлежит обвинению, как бросивший, а в вышеуказанном случае судья пусть прекратит разбирательство дела. Надо постоянно карать человека плохого, чтобы его исправить, но не надо карать несчастного: это ни к чему не ведет. Но какое наказание может оказаться полезным для человека, который получил для своей обороны оружие, а вместо этого, напротив, кинул его? Человек не может дать другому противоположных качеств, как это, по преданию, некогда совершил бог, превративший Кеня фессалийца из женщины в мужчину¹²³. А для человека, бросившего свой щит, всего более подходило бы обратное превращение, то есть, из мужчины в женщину; это и было бы наказанием. Теперь же, раз он очень близок к этому, в виду своей привязанности к жизни во что бы то ни стало, то для того, чтобы остальную свою жизнь он не подвергся опасностям, но жил как можно долее, покрытый позором, пусть будет следующий закон на этот случай: муж, уличенный в постыдной утрате воинского оружия, не будет использован никаким стратегом и никаким иным военачальником, как муж-воин и не будет зачислен ни в какой военный отряд; в против-

ном случае, т. е. если такого негодного человека кто-нибудь зачислит в отряд, пусть евфин¹²⁴ оштрафует виновника на тысячу драхм, если он принадлежит к самому высшему классу, на пять мин, если — ко второму, на три мины, если — к третьему, на одну мину, если — к четвертому. Что же касается человека, избличенного в трусости, то, кроме того, что он будет избавлен от опасностей, которым подвергаются мужественные по своей природе люди, он должен уплатить пеню в размере тысячи драхм, если принадлежит к высшему классу, пяти мин, если — ко второму, трех мин, если — к третьему, и одну мину — словом, точно так же, как и в предшествующем случае, — если он принадлежит к четвертому классу.

3

Чем руководствоваться следовало бы нам при поставлении евфинов?

Ведь одни из правителей у нас поставляются по жребию и на год, другие на большее количество лет и путем косвенных выборов. Может ли быть удовлетворительным евфином над такими правителями тот, кто, изнемогая под бременем своей должности, выскажет или сделает что-либо неправо, или тот, у кого не хватает сил для достойного отправления своей должности? Вовсе нелегко найти правителя над правителями, притом еще выдающегося своею добродетелью; однако, надо попытаться найти каких-нибудь таких божественных евфинов: этого требует дело. Как и на корабле или у какого-либо живого существа, так и в государственном устройстве есть много слабых мест; мы их в разных случаях обозначаем различными названиями, как-то: канаты, обшивка, подтягивающие веревки; хотя их много, но у всех них одно назначение.

Есть один очень значительный и удобный способ спасти государственный строй или обеспечить ему дальнейшее его продвижение, в случае происшедшего нарушения; способ этот состоит в следующем. Всякая страна и государство процветают и благоденствуют, если в них евфины лучше, чем подотчетные им правители, и если там безусловно отправляется безупречное

правосудие. Если же дело с подотчетностью правителей обстоит иначе, если нарушено правосудие, связующее воедино все органы государственного управления, тогда все правительственные должности распадаются, не согласуются одна с другой и уже не преследуют общей цели, а это ведет к уничтожению единства государства, порождает в нем множественность, наполняет его междоусобиями и ведет к скорой гибели. Вот поэтому-то евфины и должны всячески отличаться во всякой добродетели. E

Устроим¹²⁵ поставление евфинов в таком виде: ежегодно после поворота солнца от лета к зиме все государство собирается в священном участке, посвященном Гелиосу и Аполлону; там пред лицом бога пусть каждый заявит, кого он считает во всех отношениях наилучшим из своей среды, — разумеется, за исключением самого себя, — причем этот человек должен иметь не менее пятидесяти лет; таких кандидатов надо указать трех; 946 из числа предложенных кандидатов, получивших наибольшее число голосов, следует избрать не менее половины, если их общее число четное. Если же оно нечетное, то надо изъять одного, именно того, кто получил за себя всего менее голосов, а из оставшихся отвергнуть половину по большинству голосов. Если же у некоторых получится равное число голосов, и общее количество таких кандидатов превышает половину, то надо излишек отвергнуть, начиная с самых младших, а избрание остальных поставить на голосование еще раз, пока трое из B кандидатов не получат по неравному числу голосов. Если же у всех них, или у двух из них, получится равное число голосов, то надо обратиться к помощи доброй судьбы и счастья и путем жребия определить, кто одержал верх, кто стоит вторым и кто третьим, увенчать их масличным венком, воздать им всем отличия и провозгласить во всеуслышание: государству магнетов снова, с божьей помощью, удалось спастись; оно выделило Гелиосу из своей среды троих наилучших мужей; их оно и посвящает, согласно древнему закону, как лучшую свою часть Аполлону и Гелиосу, на все то время, пока они будут удовлетворять C своему избранию. Они назначат на первый год двенадцать евфинов, которые будут отправлять свою должность, пока каждому из них не исполнится семидесяти пяти лет; на будущее же время постоянно надо ежегодно поставлять троих евфинов;

последние поделят все правительственные должности на двенадцать частей и подвергнут их контролю, пользуясь всякими, однако, лишь пригодными для свободорожденных людей, средствами испытания. Пока евфины отправляют свою должность, они будут жить в священном участке Аполлона и Гелиоса, где они и были избраны. Отчасти каждый в отдельности, отчасти же сообща друг с другом они подвергнут рассмотрению деятельность всех должностных лиц и доложат об этом государству, поместив на площади свои записи относительно каждой правительственной должности с указанием, чему должно подвергнуть, по мнению евфинов, то или иное должностное лицо, или какую на него следует наложить пеню. Если какая-нибудь правительственная должность будет оспаривать справедливость этого суждения, то она может привлечь евфинов к суду избранных судей и, если угодно, возбудить дело против самых евфинов, если докажет неправильность произведенной ими ревизии. Если же вина будет доказана и если должностному лицу будет назначена евфинами смертная казнь, то пусть оно и будет казнено, раз уже нельзя удвоить этой казни; а другим наказаниям, которые можно удвоить, пусть оно подвергнется в двойном размере. Однако, надо выслушать, какова будет подотчетность и самих этих лиц, и каким образом она будет осуществлена ¹²⁶.

При жизни евфинов им будут оказываться отличия со стороны всего государства: так, им будут предоставлены первые места на всех всенародных праздничных собраниях; затем, при ⁹⁴⁷ общеэллинских жертвоприношениях и феориях ¹²⁷ или при участии в каких-либо других священнодействиях, именно из их среды посылают лиц, возглавляющих феорию; только они одни из граждан имеют право быть украшенными лавровым венком; все они будут жрецами Аполлона и Гелиоса, а признанный первым из числа ставших на тот год жрецами становится первосвященником на один год; его имя ежегодно отмечается, и это служит мерою для исчисления времени до тех пор, пока существует государство. Для скончавшихся евфинов назначаются отличные от прочих граждан похороны: выставление тела, вынос его и погребение. Покойник будет облечен во все белое; не будет ни плача, ни рыданий; один хор из пятнадцати девушек и другой из юношей, стоя вокруг ложа, будут воспевать поочередно, в виде

песнопения, похвалу скончавшемуся жрецу, прославляя его пением весь день. На другое утро отнесут к гробнице ложе с покойником сто юношей из числа посещающих гимнасии, по выбору родственников покойника. Впереди пойдут неженатые молодые люди, все одетые в воинский убор, затем всадники на конях, гоплиты в их вооружении и точно так же все остальные; отроки вокруг ложа и перед самым ложем будут петь отечественную песнь; за ложем последуют девы и женщины, уже не могущие быть матерями; далее следуют жрецы и жрицы за этим, не оскверняющим их, погребением, тогда как при всех остальных погребениях они исключаются: впрочем участие жрецов допускается только в том случае, если на это даст свое согласие Пифия¹²⁸. Склеп для евфинов будет устроен под землю, в виде продолговатого свода, по возможности, из камней, ценных своею прочностью; там, друг подле друга, будут стоять каменные ложа, куда и надо возложить ставшего блаженным¹²⁹. Кругом следует насыпать холм, обсадив его древесной рощей со всех сторон, кроме одной, чтобы склеп с этой стороны мог быть расширен в течение всего последующего времени, не нуждаясь в дополнительной насыпи для почивших. Будут учреждены в честь евфинов ежегодные мусические, гимнические и конные состязания.

Таковы почетные дары для тех, чьи отчеты будут признаны безупречными. Если же кто из них, пользуясь тем, что он избран в евфины, начнет проявлять свою человеческую природу и, после избрания, станет порочным, то закон предписывает всякому желающему возбудить против него дело. Само судебное состязание пусть происходит на суде следующим образом: прежде всего в состав такого суда входят законохранители, затем все бывшие и состоящие евфинами, наконец, избранные судьи. Обвинитель предъявляет обвиняемому обвинение в таком виде: такой-то недостойн знаков отличия и динной правительственной должности. Если обвиняемый будет признан виновным, он лишается своей правительственной должности, погребения и остальных предоставленных ему почестей; если же истец не получит в свою пользу и пятой части голосов, то он должен заплатить двенадцать мин, если принадлежит к высшему классу, восемь мин, если — ко второму, шесть, если — к третьему, две — если к четвертому.

4

Достоин восхищения так называемый Радаманфов способ разрешения тяжёб. Радаманф заметил, что тогдашние люди твердо верили в существование богов, что было и естественно, так как в то время большинство принадлежало к числу потомков богов, одним из которых был и сам Радаманф, по преданию. Так вот он и решил, что никому из людей нельзя поручать суд, а только богам; поэтому судебные решения выносились у него просто и быстро. Судьям, сомневающимся в каком-нибудь деле обвиняемый давал клятвенное заверение относительно вызывающего сомнение вопроса; этим дело и кончалось, быстро и нерушимо. Но в наше время, как мы говорили, одна часть людей вовсе не признаёт богов, другие полагают, что боги о нас не пекутся, а мнение огромного и наихудшего большинства людей таково: боги, получив незначительные жертвы и лстивые моления, содействуют хищению значительных предметов и, в большинстве случаев, помогают освободиться от больших наказаний; поэтому Радаманфовы правила правосудия уже не подходят для нынешних людей. Раз в людях изменились представления о богах, следует изменить и законы.

D Разумно установленные законы должны устранить из судопроизводства клятвенные заверения обеих тяжущихся сторон; при подаче всякого обвинения надо только письменно изложить свою жалобу, не сопровождая ее клятвенным заверением; точно так же и ответчик должен письменно изложить свои оправдания и, не подтверждая их клятвой, передать правителям. Ужасно сознавать, что, при обилии судебных дел в государстве, чуть что ни половина тех граждан, что легко общаются друг с другом в сисситиях, в иных сообществах и в частных связях, — клятвопреступники. Поэтому пусть будет установлен такой закон: судья, собирающийся судить, должен принести клятву; затем и тот, кто путем клятв или подсчета голосов, производимого на жертвеннике, поставляет должностных лиц для всего государства, должен всегда это делать; затем опять-таки тот, кто имеет суждение о хороводах и о всем мусическом искусстве, также председатели и распорядители гимнических и конных

состязаний, — словом, разрешается это делать во всех тех случаях, когда, по мнению людей, клятва не может принести выгоды. Зато в тех случаях, когда отрицание чего-либо, скрепленное клятвою, может явно принести большую выгоду, все тяжущиеся должны разрешать свои дела судебным порядком без клятв. Вообще на суде председатели не должны позволять никому клятвой подтверждать убедительность своих слов, проклинать ^В самого себя и свой род, прибегать к некрасивым мольбам и к женским воплям; нет, надо поучительно и внятно, сохраняя благопристойность речи, изложить свою правоту, и так вести дело до конца.

В противном случае оратор как бы отклоняется от предмета своей речи; поэтому правители должны постоянно направлять его речь к ее предмету. Впрочем, иностранцу по отношению к иностранцу разрешается, как и в настоящее время, если им угодно, с полным правом обмениваться друг с другом клятвами. ^С Ведь они не живут до старости в нашем государстве и, по большей части, не свивают себе здесь гнезда; следовательно, они не могут душно повлиять на живущих с ним рядом владельцев страны.

Что касается подачи жалоб по частным делам, то здесь порядок будет один и тот же для всех, поскольку свободорожденный человек является слушателем распоряжений государства, но его проступок не заслуживает ни побоев, ни тюремного заключения, ни смертной казни. Что же касается хороводов при некоторых шествиях, процессиях и других тому подобных общих праздничных выступлениях и государственных повинностях и ^Д вообще во всем том, что совершается ради мирного жертвоприношения или когда делаются взносы на военные надобности, — то во всем этом первая необходимость наказания еще может быть отвращена; с слушников же возьмут залог те, кому государство и, вместе с тем, закон предпишут произвести взыскание. Если кто будет упорствовать, несмотря на то, что его имущество взято в залог, то такое заложенное имущество поступает в продажу, а вырученные деньги поступают в государственную казну. Если необходимо еще большее наказание, то каждая правительственная должность налагает на слушников надлежащие наказания, направляет дело в суд, пока упорствующие не будут ^Е поступать, как предписано.

5

Государству, которое не ведет ни внутренней торговли — разве лишь земледельческими продуктами, — ни внешней, необходимо взвесить, как поступать при отбытии граждан за пределы страны и при допущении в нее приезжих иностранцев. Здесь прежде всего должен дать свой совет законодатель, пытаясь, по мере сил, действовать убеждением.

950 Сношения государств с государствами обычно ведут к разнообразному смещению нравов, так как чужестранцы взаимно внушают друг другу новшества. Это принесло бы величайший вред для граждан, обладающих, благодаря правильным законам, хорошим государственным устройством. Между тем для большинства государств, раз в них вовсе нет правильных законов, безразлично это смещение при приеме у себя иностранцев и при отправлении своих граждан, для их собственного удовольствия, в другие государства, лишь бы только человек выразил желание отправиться куда-нибудь и когда угодно в путешествие, все равно молод ли он или стар. Но, опять-таки, не принимать людей со стороны и самим не ездить в чужие страны совершенно недопустимо; вдобавок, это показалось бы остальным людям мерой грубой и жестокой; они сочли бы это за проявление тяжелого характера и самоуправства, обозвали бы это тягостным именем так называемого изгнания иностранцев¹³⁰.

Нельзя относиться безразлично к мнению других людей о нас: считают ли они нас хорошими, или нет. Дело в том, что большинство людей не в такой уже мере лишено способности разбираться в других людях, худы ли те или хороши, в какой оно лишено обладания добродетелью. Даже у плохих людей есть некая божественная сметливость, так что очень многие даже из самых плохих людей прекрасно различают в своих отзывах и в своем мнении людей лучших и худших. Поэтому хорошо было бы требовать от большинства государств, чтобы они дорожили своей доброй славой в глазах большинства людей. Впрочем, самое правильное и самое главное — это действительно быть хорошим и таким образом снискать своею жизнью добрую славу; иным путем это никак нельзя сделать, если

только человек стремится к совершенству. В особенности следовало бы этому, основываемому на Крите, государству снискать себе самую прекрасную и лучшую славу, в смысле добродетели, D у остальных людей. По всей вероятности, можно вполне надеяться, что, спустя короткое время, солнце и остальные боги узрят среди благозаконных государств и стран и это наше государство, если только оно будет устроено разумно ¹³¹.

Итак, относительно путешествий в чужие края и страны и относительно допущения к себе иностранцев надо поступать следующим образом. Прежде всего, кто не достиг сорока лет, тому вовсе не разрешается путешествовать куда бы то ни было; затем вообще не разрешается никому путешествовать по частным надобностям, а только по общегосударственным, то есть, глашатаям, послам, феорам ¹³².

При этом нельзя причислить к путешествиям государственного характера переходы границ во время войны или похода; их характер совсем другой. В Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею ¹³³ и на Исфм, надо посылать для участия в жертвоприношениях и состязаниях в честь этих богов людей, по мере сил, в самом большом количестве, самых прекрасных и лучших, именно таких, которые могут доставить добрую славу своему государству, при этих мирных и священных видах общения, и снискать ему репутацию, соответствующую его военным успехам. E Вернувшись на родину, эти люди наставят молодежь, что узаконения, определяющие государственный строй других государств, уступают нашим. Других таких феоров посылают за границу законохранители по своему усмотрению. Если кто из граждан пожелает в течение большего срока наблюдать жизнь остальных людей, то никакой закон им в этом не препятствует. 95' Ведь государство, незнакомое на опыте, в виду своей необщительности, с плохими и хорошими людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и усовершенствованным. Да и законы невозможно соблюдать, если они не будут восприняты сознательно, а не только по привычке. Среди толпы выделяются постоянно какие-нибудь божественные люди, — правда, их немного, — которые вполне достойны общения. И в благозаконных государствах они встречаются не чаще, чем в беззаконных. Человек, живущий в благозаконном государстве, должен по-

стоянно по следам разыскивать, странствуя по морю и по суше, чтобы найти того, кто неиспорчен, и с его помощью укрепить хорошие стороны узаконений, а упущения исправить. Без таких поисков, предпринимаемых с целью наблюдения, государство не может быть вполне устойчивым, так же как и тогда, когда наблюдения будут делаются плохо.

Клиний. Но как осуществить и то и другое?

6

Афинянин. Вот как: прежде всего такой феор должен у нас уже переступить за пятьдесят лет и, кроме того, быть из числа людей, заслуживших себе хорошую славу, как вообще, так и на войне, чтобы представить собою остальным государствам образцового законохранителя. А кто переступил уже за шестьдесят лет, тот не может быть феором. В пределах этих десяти лет феор может производить наблюдения сколько ему угодно лет; по возвращении на родину, он должен предстать пред собранием лиц, надзирающих за законами. Это собрание состоит из смешения молодых и престарелых людей и собирается ежедневно обязательно на заре, до восхода солнца. Оно состоит прежде всего из жрецов, получивших знаки отличия, затем из десяти всегда старейших законохранителей; далее туда входит новопоставленный попечитель о всех областях воспитания и лица, уже освободившиеся от этой должности; при этом каждый член собрания входит туда не только сам по себе, но вводит по своему выбору и молодого человека между тридцатью и сорока годами. Эти люди собираются вместе и обсуждают постоянно законы своего родного государства; если они узнают, что в чужих краях законы или предметы обучения отличаются чем-либо таким, что, по рассмотрении, представляется полезным и разъясняющим вопросы о законах для лиц, изучивших эти науки — а не изучившие их как бы бродят в потьмах, — то старейшие вводят это и в нашем государстве, а младшие обязаны со всею ревностью приняться за изучение всего этого. Если кто-нибудь из таких приглашенных младших членов окажется недостойным приглашения, то все собрание в целом выносит порицание лицу, его пригласившему. Зато молодых людей, сни-

скавших себе добрую славу, охраняет весь остальной город; все граждане взирают на них и особенно берегут их; почитают их за хорошее поведение и более, чем остальных, покрывают бесчестьем за поступки худшие, чем у большинства людей.

Феор, наблюдавший узаконения остальных людей за границей, сразу по возвращении должен отправиться в это Собрание. Он сообщает всем членам его свои соображения или слышанные им от других лиц разъяснения относительно законодательства, образования и воспитания. Если окажется, что он возвратился ничуть не худшим, чем был ранее, хотя и не усовершенствовавшимся, ему выражают одобрение, по крайней мере, за его большое усердие. Если же он замечательно усовершенствовался, то еще при жизни ему воздают хвалу, а по смерти Собрание оказывает ему надлежащие почести. Если же окажется, что он вернулся испорченным, вообразив сам себя мудрецом, его не допускают общаться ни с молодыми, ни со старыми. Если он послушен правителям, то пусть себе живет, как частный человек; в противном случае он наказывается смертью, именно в том случае, если он будет по суду уличен в том, что вводит суетные новшества в дело воспитания и в законы. Если же никто из правителей не заключит в тюрьму человека, это заслужившего, то, при назначении знаков отличия, таким правителям будет вынесено порицание.

Вот каким условиям должен удовлетворять тот, кому позволено путешествие за границу. После этого надо позаботиться о приеме приезжих иностранцев.

Есть четыре разряда иностранцев, заслуживающих упоминания. Первый разряд совершает путешествия по большей части летом, точно перелетные птицы; большинство таких иностранцев по морю совершают свой прямо-таки как бы перелет; ради обогащения они занимаются торговлей и слетаются в другие государства, пользуясь благоприятным временем года. На рынках, в гаванях и общественных зданиях вне города, под городом, должны принимать их власти, для того назначенные, из осторожности, как бы кто из таких иностранцев не ввел каких новшеств; они справедливо воздадут этим иностранцам все им должное, но как можно реже будут обращаться к ним, — только по необходимости.

Второй разряд иностранцев состоит из охотников полюбоваться красотой и послушать, что можно, из произведений Муз. Для всех таких людей должны быть приготовлены пристанища у святилищ, где они и встретят полное гостеприимство. Жрецы и храмовые служители должны заботиться о таких гостях, ухаживать за ними, пока те не уедут, чтобы они не причинили и не потерпели никакого вреда во время своего пребывания, но увидели и услышали все то, ради чего приехали. Если кем из них или кому-нибудь из них будет нанесена обида, судить их будут жрецы,—во всех делах, не превышающих пятидесяти драхм. Если у них возникает тяжба по большому делу, судебное разбирательство производят агрономы.

Третий разряд иностранцев, приезжающих из другого государства по его поручениям, надо принимать от имени государства. Их должны принимать только стратеги, гиппархи и таксисархи¹³⁴; заботиться об их приеме надо совместно с пританами каждому, у кого остановится такой иностранный гость.

Иностранцы четвертого разряда могут приезжать разве лишь изредка. Это те, что приезжают к нам из чужих краев для наблюдения. Прежде всего такой иностранец должен иметь не менее пятидесяти лет; кроме того, он должен стремиться увидеть у нас что-нибудь лучшее, нежели в остальных государствах, что-нибудь отличающееся своею красотой, и указать на что-нибудь подобное иному государству; такой человек и без приглашения должен быть вхож в дома богатых мудрецов, раз он и сам таков. Пусть он направится в дом попечителя о воспитании, в уверенности встретить там полное гостеприимство, достойное такого гостя, или в дом человека, одержавшего победу во своей добродетели. В общении с ними он частью сам наставит их, частью от них научится и отправится обратно, дружелюбно почтенный со стороны друзей дарами и надлежащими почестями. Руководствуясь такими законами, надо принимать разных иностранцев и иностранок из чужих краев и посылать за границу своих граждан. Мы почтим Зевса Гостеприимного тем, что не отлучим иностранцев от нашего стола и жертвоприношений, как это делают теперь питомцы Нила, и не оскорбим их грубыми распоряжениями.

7

При поручительстве, если кто дает таковое, надо подробно перечислить все пункты, оговорив их письменно, в присутствии не менее трех свидетелей, если дело идет о сумме не свыше тысячи драхм; если же выше, то — не менее пяти свидетелей. Поручителем является посредник при покупке какой-нибудь вещи; если она неправильно поступает в продажу или вообще не подлежит продаже, то и посредник и продавец — оба подлежат суду. Если кто у кого хочет произвести обыск, он может это сделать, войдя в его дом нагим или в коротком неподпоясанном хитоне, и предварительно принеся узаконенную клятву, что он, действительно, надеется найти здесь свою вещь. Подозреваемый в утайке должен предоставить свой дом для обыска и все в нем находящееся, как то, что запечатано, так и то, что без печати. Если кто не даст произвести обыска желающему это сделать, последний пусть привлечет его к суду, оценив стоимость разыскиваемой вещи. Если первый будет уличен, он должен вдвойне против оценки возместить ущерб. Если хозяин дома находится в отсутствии, то обитатели дома имеют право осматривать, с целью розыска, все незапечатанные вещи; а обыскиватель может приложить свою печать к запечатанным вещам и приставить, кого хочет, стражем к ним на пять дней. Если же хозяин будет отсутствовать большее время, то обыск надо производить с привлечением астиномов, вскрывая запечатанные вещи и снова точно так же их запечатывая, совместно с обитателями этого дома и с астиномами.

Что касается вещей спорной принадлежности, то будет ограничен срок, сверх которого у обладателя уже нельзя оспаривать эту вещь. В этом отношении не может возникнуть спора относительно земельных участков и жилищ. Зато, если кто владеет чем-нибудь иным и явно обнаруживает свое пользование этою вещью, в городе на рынке и в святилищах, и никто этого не оспаривает, между тем как собственник заявляет, что он все это время разыскивал эту вещь, хотя ее обладатель явно не скрывался, иными словами, если целый год один человек обладал вещью, а другой ее разыскивал, то, по прошествии года, никто

D не в праве заявлять свои притязания на эту вещь. Если же обладатель не пользовался ею в городе и на рынке, но явно пользовался ею в деревне, причем не встретился с ее собственником в течение пяти лет, то, по прошествии пяти лет, собственнику уже нельзя впредь изъяслять свои притязания на нее. Если кто пользовался вещью в городе, но лишь у себя дома, то срок давности устанавливается трехлетний; если кто обладает такой

E вещью втайне в деревне, — десятилетний; если в чужих краях, — бессрочно, то есть, нет никакой давности, если собственник где-нибудь найдет ее.

Если кто насильственно воспрепятствует явиться в суд своему противнику или его свидетелям — все равно, собственный ли это его раб или чужой, — судебное решение теряет совершенно свою силу. Если этому подвергся свободорожденный человек, то, кроме того что решение теряет свою силу, виновник

955 заключается в тюрьму на год, и всякий желающий может возбудить против него обвинение по поводу такого обращения в рабство. Если кто насильем воспрепятствует явиться своему противнику по состязанию в гимнастическом или мусическом искусстве или в любом ином состязании, то желающий пусть уведомит афлофетов¹³⁵, а те объявят свободный доступ на состязания всякому желающему. Если они не смогут этого сделать и если победит на состязании тот, кто воспрепятствовал явиться своим противникам, то награду за победу надо вручить пострадавшему и записать его имя, как победителя, в тех святилищах, в каких он сам пожелает; а насильнику запрещается делать какое-либо приношение в храм и делать надпись о таком состязании; его можно привлечь по обвинению в нанесенном

B ущерб, все равно, будет ли он побежден на состязании, или же сам победит.

Если кто сознательно укрывает украденную вещь, он подлежит одинаковому с воров наказанию. Укрывательство изгнанника наказывается смертью. Пусть каждый человек считает своим другом или врагом того же, кого считает и государство. Если кто по частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет войной без общегосударственного на то решения, то и

C ему наказанием будет смерть¹³⁶. Если какая-нибудь часть государства заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо

войной, то виновных в этом стратеги привлекают к суду; в случае изобличения, им грозит смертная казнь.

Служащий своей родине должен служить ей без взяток. Здесь не может быть никаких отговорок, никаких, хотя бы одобряемых всеми, оснований, будто ради хорошей цели можно принимать взятки, ради плохой — нельзя. Ведь это трудно разобрать и, даже разобрав, нелегко совладать с собой. Всего D
вернее слушаться закона, повиноваться ему и не оказывать никаких услуг за взятки. Ослушник подвергается смертной казни, лишь только он будет изобличен на суде.

Что касается денежных взносов в общегосударственную казну, то надо ценить частную собственность по многим причинам. Члены фил должны в письменной форме сообщить агрономам ежегодное приращение собственности каждого гражданина, чтобы, раз есть два источника взносов, казна могла воспользоваться тем из них, который ей желателен в данном году, однако, после строгого обсуждения, надо ли внести часть всего имущественного ценза или только приносимый им ежегодный E
доход. Расходы на сисситии при этом исключаются. Человек умеренный должен делать богам умеренные приношения. Земля и домашний очаг каждого являются посвященными всем богам. Итак, пусть никто не посвящает богам вторично того, что и так уже им посвящено. В других государствах возбуждают 956
зависть золото и серебро в частных домах и в святилищах. Слоновая кость, этот остаток тела, лишившегося души, есть приношение неподходящее; а железо и медь — военные орудия. Поэтому пусть всякий желающий, по своему выбору, посвящает в общенародные храмы деревянные изделия из цельного дерева и точно так же изделия из камня. Ткани должны быть посвящаемы не больше, по размерам, таких, над которыми работала одна женщина в течение месяца. Белый цвет подобает богам и в тканях и вообще. Окрашенных тканей нельзя посвящать; их надо применять только для воинских украшений. Самые божественные дары — птицы и небольшие кумиры, исполнение которых один художник может закончить в один день. При остальных B
приношениях сообразуются с этими же правилами.

8

На сколько частей подразделяется все государство, каковы они должны быть, каковы будут законы относительно самых главных видов деловых сношений людей, — о всем этом уже было сказано. Остается поговорить еще о судопроизводстве.

Первый вид суда составляют выбранные судьи, сообща назначенные ответчиком и истцом; таким судьям больше подходит название диэтетов. Второй вид судей — члены поселков и фил, распределенные на двенадцать частей по всей стране; если дело не разрешено первым судом, то прибегают к этим судьям, раз желают добиться большего наказания. Если ответчик вторично проигрывает дело, он должен уплатить пятую часть стоимости вчиненного ему иска. Если же обвинитель желает в третий раз пересмотреть дело, будучи недоволен этими судьями, то свое дело он может передать в суд особо для этого избранных судей; если он снова проигрывает дело, он оплачивает в полуторном размере вчиненный им иск. Если истец, проиграв свое дело в первом суде, не успокоится, но обратится ко второму суду, то, в случае выигрыша дела, он получает пятую часть; в случае проигрыша, он оплачивает такую же часть иска. Если тяжущиеся, не удовлетворенные предшествующими судами, обратятся к третьему суду, то, в случае проигрыша, ответчик, как было указано, уплачивает в полуторном размере, а истец в половинном сумму иска. Избрание судей, по жребию, равно как и заполнение состава суда; поставление служителей для каждой правительственной должности; сроки, в которые все это должно совершаться; способ подачи голосов, отсрочка и все тому подобное, необходимое при судопроизводстве; вчинение тяжб в первом суде и в последних; необходимые судебные прения и очные ставки и все близко к этому примыкающее, — о всем этом мы говорили ранее; впрочем, не мешает и дважды и трижды повторить хорошую мысль.

957 Всякие мелочи в узаконениях, которые легко найти, если они были пропущены престарелым законодателем, должен восполнить молодой законодатель. Было бы сообразно устроить именно таким образом частные суды. О судах же общегосударственных

и таких, к которым должны обращаться правительственные лица, чтобы надлежащим образом осуществить свое назначение, — о всем этом во многих государствах встречаются немало законоположений, составленных хорошими людьми и очень подходящих. Заимствовать отсюда то, что подходит к учреждае- B
мому теперь государственному строю, должны законохранители, проверив эти законоположения на опыте, обсудив и исправив, пока каждое из них не окажется вполне удовлетворительным. Тогда все считается законченным, скрепляется печатью неиз- блемность этих законоположений, и ими пользуются в течение всей жизни. Что касается молчания судей, их благословия, — и противоположного этому, вообще всего того, что идет вразрез с тем, что в остальных государствах слывет нередко справедли- вым, хорошим и прекрасным, — то об этом кое-что уже было сказано, кое-что еще придется указать под конец нашей беседы. C
Кто намеревается быть справедливым судьей, тот должен счита- ться со всем этим, понимать в этом толк, имея в своих руках письменное изложение всего этого. Ведь из всех наук наиболее усовершенствует человека, им занимающегося, наука о законах; по крайней мере, так должно быть, если правильны основные ее положения; иначе понапрасну у нас божественный и чудесный закон получил имя, близкое к разуму¹³⁷. В особенности это ка- сается остальных сочинений, выраженных в стихах или в прозе по- хвал или порицаний чему-либо, иной раз письменно закрепленных, D
иной раз возникающих при ежедневных всякого рода общениях, когда из страсти к спорам одни что-либо подвергают сомнению, а другие из-за уступчивости, подчас очень суетной, соглашаются с ними, — все это надо точно сверять с сочинениями законода- теля. Хороший судья должен впитать в себя эти сочинения, как E
средство, предохраняющее от остальных учений и усовершен- ствовать самого себя и свое государство с целью уготовать хорошим людям устойчивость справедливости и ее увеличение, а людям порочным — искоренение невежества, несдержанности, трусости, коротко говоря, всякой несправедливости, насколько это в его силах и насколько поддаются исцелению превратные мнения таких порочных людей. А кому неотвратимо суждено иметь такие мнения, то для душ, находившихся в таком состоянии, только смерть может быть исцелением. Поэтому — мы вправе 958

это часто повторять — такие судьи и руководители судей достойны похвалы со стороны любого государства.

После того, как ежегодные судебные дела придут к концу и будут разрешены, исполнение судебных приговоров будет совершаться по следующим законам: правительственная власть творящая суд, пусть прежде всего отдаст все имущество приговоренного тому, кто выиграл дело, за исключением самого необходимого имущества, сразу после каждого отдельного голосования, при помощи провозглашения глашатая в присутствии в судей. Если после месяцев, назначенных для судопроизводства, пройдет еще один месяц, и проигравший дело не заключит любовного соглашения с выигравшим его, то творящая суд правительственная власть, в защиту прав выигравшего дело, передает ему имущество человека, проигравшего дело. Если неоткуда взять денег или нехватает не менее одной драхмы, то такое лицо может не ранее судиться с кем-нибудь другим, как уплатив весь свой долг выигравшему дело. Однако, в то же время все остальные в праве судиться с ним. Если осужденный станет чинить препятствия осудившей его правительственной власти, то лица, несправедливо встретившие здесь препятствия, пусть привлекут его к суду законохранителей. Если кто будет уличен в таком преступлении, его наказывают смертью, так как он губит все государство и законы.

9

Человек рождается, получает воспитание, производит детей, воспитывает их, вступает сообразным способом в деловые сношения, подвергается наказаниям, если кого обидел, налагает наказания на других людей, — словом живет согласно законам; затем неизбежно, по воле судьбы, он старится, и, естественно, наступает его кончина. И вот, что касается скончавшегося мужчины или женщины, то истолкователи правомочны дать указания относительно тех божественных узаконений, которые надо исполнить в честь подземных и здешних богов. Нельзя устраивать гробниц на возделываемой земле; нельзя там воздвигать никаких — ни больших ни малых — памятников; где почва по своим природным свойствам только для этого и годится, там и

надо хоронить тела покойников, не причиняя никаких неудобств живущим. Земля — наша мать; она охотно доставляет людям пропитание. Поэтому пусть никто — ни живущий ни покойник — не лишает этого нас, еще живущих. Нельзя насыпать могильный холм выше, чем это могут сделать пять человек в течение пяти дней. Каменные могильные плиты надо делать такой величины, чтобы там уместилась похвала жизни покойника. вырванная не больше как четырьмя героическими стихами ¹³⁸.

Выставлять тело внутри дома надо не дольше того времени, ⁹⁵⁹ в течение которого становится ясным, что оказавшийся мертвым действительно умер, а это будет, пожалуй, по нашим человеческим расчетам, через три дня; тогда и надо соответственно устроить вынос тела к месту погребения. Надо верить законодателю как вообще, так и в том, что душа совершенно отлична от тела; что даже в этой жизни каждого из нас поддерживает не что иное, как именно душа, а тело следует за каждым из нас, как ее внешнее видимое проявление. Поэтому прекрасно говорят ^В о покойниках, что тело умерших есть только образ, а сущность каждого из нас, именно то, что называется душой, которая уходит к иным богам, чтобы дать там отчет, на самом деле бессмертна. Для человека хорошего, как говорит отеческий закон, этот отчет не страшен, а для плохого очень страшен; но никакой значительной помощи у него после его смерти нет. При жизни человеку должны помогать все его близкие, чтобы он был как можно справедливее и жил наиболее благочестиво, а по смерти не был повинен в тяжких прегрешениях и не подвергся бы наказанию в той жизни, что будет после этой. Раз это обстоит так, то не следует особенно разоряться и считать, что в этой груди плоти погребаешь своего близкого; нет, ^С надо считать, что твой сын, брат, вообще тот, о ком в особенности тоскуют при погребении, закончил, исполнил свою земную участь и отошел от нас; что теперь будет хорошим поступком ограничиться умеренными издержками на этот как бы бездушный жертвенник подземных богов. Надлежащую меру угадает всего лучше законодатель. Пусть будет такой закон: издержки на все погребение для человека высшего класса не должны превышать пяти мин, для человека второго класса — трех, двух мин — для человека третьего класса, одной мины — ^Д

четвертого; это были бы достаточно умеренные издержки. Законохранителям придется выполнять много иных задач, заботиться о многом; они должны заботиться прежде всего о детях, о взрослых, вообще о людях любого возраста. При кончине каждого гражданина должен присутствовать кто-либо из законохранителей, которого выберут в попечители домочадцы скончавшегося. Ему поставят в заслугу, если все нужное для покойника исполнено будет хорошо и умеренно, если же не хорошо, то это поставится ему в упрек. Выставление и все остальное пусть совершается согласно закону об этом. Однако, государственный закон должен сделать следующую уступку: было бы неблагоприятно предписывать или запрещать оплакивание покойников; зато надо запретить испускать вопли и стенания за пределами дома; надо не позволять нести тело покойника открыто по улицам, и при этом уличном шествии не должно быть места стенаниям; надо, чтобы еще до наступления дня шествия было за городом¹³⁹. Пусть именно это соблюдается в узаконениях. Повинующийся свободен от наказания; послушавшийся одного из законохранителей наказывался всеми ими, причем все они сообща устанавливают наказание. Что касается особого вида погребения покойников, или даже лишения их погребения, то все такие дела об отцеубийцах, святотатцах и всех им подобных были разобраны ранее и определены законами. Таким образом наше законодательство, пожалуй, закончено.

Впрочем, каждое дело заканчивается не тем, чтобы что-нибудь исполнить, приобрести, учредить; нет, надо считать вполне законченным то дело, которое нужно было сделать, только тогда, когда найдены средства, способствующие сохранению того, что появилось на свет; иначе дело в его целом еще не закончено.

Клиний. Ты прав, чужестранец; объяснись, к чему из только что сказанного имеют отношение твои слова?

10

Афинянин. Клиний, многое из достояния наших предшественников прекрасно прославлено и, пожалуй, не меньше и имена Мойр.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Первая из них — Лаксис, вторая — Клофò, третья — Атропос, спасительница того, о чем шла речь. Эти имена уподоблены пряже, закрепляемой на огне, что дает ей силу не раскручиваться. Это последнее свойство должно дать государству и его строю не только телесное здоровье и спасение, но и благозаконие в душах, а еще более спасение законов. Мне кажется, что нашим законам явно недостает как раз этого. Каким образом законы приобретут, согласно с их природой, эту способность не раскручиваться?

Клиний. Ты упомянул о чем-то очень существенном, если только вообще возможно найти средство придать какому бы то ни было достойно это свойство.

Афинянин. Однако, это действительно возможно, как это для меня сейчас совершенно ясно обнаружилось.

Клиний. Так давайте неотступно всячески отыскивать это средство, пока не найдем для вышеуказанных законов именно этого свойства. Ведь было бы смешно понапрасну трудиться над чем-нибудь и не достигнуть никаких прочных результатов.

Мегилл. Твой совет правилен; во мне ты найдешь человека тоже таких взглядов.

Клиний. Хорошо. Так в чем же состояло бы спасение, по твоим словам, для государственного строя и для наших законов? Каким образом оно могло бы осуществиться?

Афинянин. Разве мы не сказали, что в нашем государстве должно быть особое Собрание, устроенное так: десятеро самых престарелых законохранителей и все получившие отличия должны постоянно собираться вместе. Кроме того, люди путешествовавшие с целью разыскать, нет ли где чего-нибудь подходящего для охраны законов, вернувшиеся на родину невредимо и подвергшиеся испытанию со стороны вышеуказанных лиц, могут быть достойными участниками этого Собрания. Сверх того, каждый из них должен прихватить одного человека из молодежи, однако, уже достигшего тридцати лет, сперва самому обсудить, достоин ли тот этого по своей природе и воспитанию, а затем ввести этого молодого человека в среду остальных и, если и остальным будет угодно, взять его с собою; в противном случае для остальных, а в особенности для самого забракованного,

должно остаться тайною состоявшееся решение. Это Собрание будет собираться рано утром, пока каждый всего более свободен от своих частных и государственных дел. В таком роде были наши предшествовавшие указания.

Клиний. Да, в таком.

Афинянин. Возвращаясь опять к этому Собранию, я сказал бы вот что: я утверждаю, что это Собрание, если им воспользоваться, как якорем для всего государства, спасло бы все то, что нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное.

Клиний. Как так?

Афинянин. Для нас было бы удобным случаем вслед за тем дать надлежащие исчерпывающие разъяснения.

Клиний. Прекрасно сказано! Осуществи же свой замысел!

Афинянин. Надо принять во внимание, Клиний, что у всякой вещи есть свойственное ей, сохраняющее ее, начало; так в живом существе самым главным является душа и голова.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Доблестная душа и светлая голова спасают всякое живое существо.

Клиний. Как?

Афинянин. В душе, кроме всего прочего, возникает разум, а в голове, кроме всего прочего, зрение и слух. Коротко говоря, разум, смешанный и слившийся воедино с прекраснейшими чувственными ощущениями, с полным правом можно было бы называть спасением всякой вещи.

Клиний. Да, это так, повидимому.

Афинянин. Это действительно так. Но на что направлен разум, смешанный с ощущениями, когда он спасает, например, суда, во время бури или во время ясной погоды? Не правда ли, кормчий корабля, вместе с матросами, соединяют ощущения с руководящим их разумом и, следовательно, спасают и самих себя и корабль со всем, что на нем?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Вовсе нет нужды в многочисленных примерах. Обратим только внимание хотя бы на военное дело и на ту цель, какую ставят себе полководцы — или любые служители 962 врачебного искусства, — чтобы достигнуть спасения. Не правда ли,

у первых целью будет победа и одоление врага, а у врачей и их служителей — доставление телу здоровья?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Но если бы врач не знал того состояния тела, которое мы обозначили сейчас, как здоровье; если бы полководец не знал, что такое победа — и так далее, во всех приведенных примерах, — то разве возможно было бы ему проявить свой разум во всем этом?

Клиний. Как это может быть!

Афинянин. А как же обстоит дело с государством? Если бы кто обнаружил незнание той цели, куда должен стремиться государственный человек, разве можно было бы его по праву признать, во-первых, правителем, а затем разве мог бы он спасти то, цель чего ему вовсе неизвестна?

Клиний. Как это может быть!

11

Афинянин. Так вот и теперь, как видно, если только мы намерены закончить устройство поселения в нашей стране, должно быть нечто такое, что знало бы прежде всего именно то, на что мы указываем, т. е. цель этого поселения, — она имеет у нас государственный характер; далее надо знать, каким образом следует приняться за дело, что именно прежде всего в самих законах, а затем и в людях, может пригодиться, а что не может. Если государство будет лишено всего этого, то не будет ничего удивительного, если оно станет в каждом случае и при каждом деле поступать случайно: ведь оно лишено и разума и ощущений.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Так вот, в каком же теперь разряде или учреждении нашего государства имеется в достаточной мере такой охраняющий орган? На что можем мы указать?

Клиний. Это еще не совсем ясно, чужестранец. Если позволено догадываться, то, мне кажется, твои слова клонятся к тому Собранию, которое, как ты только что сказал, должно собираться ночью.

Афинянин. Твое замечание совершенно верно, Клиний. Это D

Собрание, как показывает наше нынешнее исследование, должно обладать всяческой добродетелью; самое же главное состоит в том, чтобы не было блужданий при преследовании разных целей, но чтобы иметь в виду что-нибудь одно и все стрелы как бы метать всегда по этому направлению.

Клиний. Разумеется, так.

Афинянин. Теперь мы поймем, что нет ничего удивительного в блуждании государственных узаконений, раз в каждом государстве цели законодательства разные. Неудивительно также, что по большей части определяют справедливое положение вещей так: в одних государствах таковым считают власть некоторых лиц, независимо от того, лучше или хуже они остальных людей; в других — богатство, независимо от того, сохраняет ли при этом государство свою независимость или нет; тогда как в иных государствах все стремление направлено на достижение свободного существования; третьи устанавливают свое законодательство двояко, имея в виду обе эти цели: самим быть свободными и владычествовать над другими государствами. Те же, что считают себя всего более мудрыми, имеют в виду одинаково все эти и тому подобные цели, но не могут указать той преимущественной и единой цели, которую все остальное должно иметь в виду.

963 Клиний. Следовательно, чужестранец, правильно наше давнишнее утверждение: мы сказали, что все наши законы должны всегда иметь в виду единую цель; мы совершенно правильно согласились, что такая цель — добродетель.

Афинянин. Да.

Клиний. Но мы различили четыре вида добродетели.

Афинянин. Конечно.

Клиний. Всеми ими руководит разум; его должно иметь в виду все остальное, в том числе и эти три вида добродетели.

Афинянин. Ты прекрасно уловил последовательность наших утверждений, Клиний; следуй этому и впредь. Мы указали в ту единую цель, которую должен иметь в виду разум—кормчий, или врачебный, или полководческий; мы остановились сейчас на исследовании цели разума государственного. Мы обратились бы к нему, точно к человеку, с таким вопросом. Чудесный, какова же твоя цель? Какова твоя единая цель? Разум врачебный

мог определенно указать на это, неужели же ты не можешь указать, хотя ты выдаешься среди всего разумного, как ты это мог бы утверждать! Мегилл и Клиний, не можете ли вы оба, хорошо произведя должное расчленение, ответить мне, вместо него, какова эта цель? Ведь я часто давал вам подобные определения в других случаях.

Клиний. Нет, чужестранец, мы никак не можем.

Афинянин. Но, по крайней мере, вы можете сказать, что надо ревностно стремиться к отысканию этой цели, и укажете, в какой области надо ее искать.

Клиний. В какой же, например, области?

Афинянин. Например, если, по нашему утверждению, есть четыре вида добродетели, то ясно, что каждый из них необходимо признать единым, хотя всех их четыре.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Однако, все это вместе взятое мы считаем единым. Ведь и мужество мы признаём добродетелью, и разумность, и остальные два вида, причем считаем, что это все по существу не множественно, но составляет определенное единство, именно добродетель.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Совсем нетрудно указать, чем различаются между собою эти две добродетели, мужество и разумность, почему они получили особое наименование, и так далее. Но не так легко понять, почему и в каком смысле мы обе их и все прочее назвали единством, именно добродетелью вообще.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Вовсе нетрудно разъяснить то, о чем я говорю. Давайте разделимся мы с вами так: одни будут спрашивать, другие — отвечать.

Клиний. Что ты этим хочешь опять сказать?

Афинянин. Спроси меня, почему, признав единство добродетели, мы снова отдельно обозначаем эти два ее вида: первый — мужество, второй — разумность. Я тебе скажу причину: первый вид касается страха и распространяется даже на зверей, — это мужество; его можно заметить даже в нравах совсем маленьких детей. Ведь мужество сообщается душе и без рассудка, просто как природное свойство. С другой стороны, душа

без рассудка никогда не бывала разумной и не обладала умом; этого нет, и опять-таки никогда не будет, так как рассудок свойство совсем особое.

Клиний. Ты прав.

964 Афинянин. Чем различаются эти два вида добродетели и почему их именно два, ты понял из моих слов. В чем же состоит их единство и тожество, это уже твоя очередь мне указать. Представь, что ты должен указать, почему эти четыре вида составляют единство; спроси же у меня, почему их четыре, раз ты показал, что здесь единство. Затем обсудим, надо ли человеку, обладающему достаточными знаниями о каком-нибудь предмете, имеющем наименование и, в свою очередь, определение, знать только одно это наименование, а определение можно и не знать; или же позорно для человека, хоть что-нибудь собою представляющего, не знать всего этого о предметах, выдающихся своею величиной и красотой.

Клиний. Повидимому, позорно.

Афинянин. Для законодателя, для законохранителя, для всякого, кто думает выделиться своею добродетелью и кто именно поэтому получил награды за победу, нет ничего более важного, чем именно то, о чем мы сейчас ведем речь: мужество, здравомыслие, разумность и справедливость.

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Истолкователи, учителя, законодатели, охранители остальных людей, разве не должны наставлять в этом того, кто нуждается в знаниях и в сведениях? Разве не должны они карать и устрашать того, кто в этом нуждается и кто в этом погрешает? Разве не должны они всячески разъяснять то значение, какое имеет порок и добродетель, и этим выделяться из остальных людей? Или окажется лучше этих людей, победивших во всякой добродетели, любой пришедший в государство поэт, любой человек, выдающий себя за воспитателя юношества. Далее, в том государстве, где стражи недостаточно владеют словом и недостаточно умеют действовать, хотя и достаточно знают о добродетели, не будет удивительным, если такое государство, как лишенное охраны, испытает то, что терпит большинство нынешних государств.

Д Клиний. Конечно, это будет не удивительно.

12

Афинянин. Так что же? Следует ли нам осуществить то, о чем у нас сейчас идет речь? Каким образом надо подготовить стражей, чтобы они были и в словах и на деле более тщательны в смысле добродетели, чем большинство граждан? Каким способом наше государство уподобится голове и ощущениям разумных людей, коль скоро оно будет иметь в себе подобный охранительный орган?

Клиний. Как это, чужестранец? Каким образом мы сравниваем наше государство с такими вещами?

Афинянин. Ясно, что само государство представляет собою полое тело; отборные и наиболее одаренные молодые люди из стражей занимают его вершину, чтобы, обладая остро- развитыми душевными способностями, озирая коугом все целиком государство; стражи передают свои ощущения органам памяти, сообщая старшим все, что делается в государстве. Старцы, которых мы сравнили с разумом, так как они, по преимуществу, размышляют о многом достойном упоминания, дают свои советы, пользуются услугами молодых людей и их советами, и, таким образом, и те и другие сообща действительно спасают все государство в его целом. Скажем ли мы, что именно так должно быть устроено это или как-нибудь иначе? Неужели мы найдем нужным одинаково, т. е., наравне с любыми воспитанными и образованными людьми, привлекать к этому делу тех, кто имеет эти знания, и тех, кто их не имеет?

Клиний. Нет, друг мой, это невозможно.

Афинянин. Следовательно, надо стремиться к более основательному образованию, чем указанное.

Клиний. Быть может.

Афинянин. Но то образование, которое мы сейчас слегка затронули, не есть ли именно такое, в каком мы нуждаемся?

Клиний. Разумеется, да.

Афинянин. Разве мы не сказали, что в каждом деле выдающийся и полезный народу страж должен не только быть в силах обращать внимание на многое, но еще должен и стремиться к ка-

кой-нибудь одной цели, знать ее и сознательно подгонять к ней все, что охватывает своим взглядом?

Клиний. Верно.

с Афинянин. Разве есть более точный способ рассмотрения и созерцания чем тот, когда человек в силах отнести к одному виду множество непохожих явлений?

Клиний. Быть может, есть.

Афинянин. Не быть может, а действительно есть, друг мой; ни у кого из людей нет более ясного метода, чем этот.

Клиний. Доверяя тебе, чужестранец, я уступаю; продолжим же далее нашу беседу в этом направлении.

Афинянин. Итак, повидимому, надо принудить стражей нашего божественного государственного строя прежде всего уметь
D тщательно различать то, что состоит из четырех частей, но составляет единство и тожество; то, что состоит, как мы говорили, из мужества, здравомыслия, справедливости и разумности, но составляет единство, которое справедливо можно обозначить именем добродетели. Если угодно, друзья мои, давайте теперь особенно упирать на это положение и не оставлять его без рассмотрения, пока не разъясним достаточно, что же такое то, на что надо обращать свой взор: есть ли это единство, или целая совокупность, или и то и другое, словом, какова вообще его природа. Если это от нас ускользнет, можно ли ожидать, что вопрос о добродетели будет решен у нас удовлетворительно, раз
E мы не будем в состоянии выяснить, множественна ли добродетель, четыре ли ее вида, или она едина? Если мы послушаемся нашего совета, мы всякими средствами попытаемся внедрить эти знания в наше государство; но если вы решаете, что это вообще нужно оставить в стороне, то так и следует поступить.

Клиний. Клянусь богом, покровителем чужестранцев, это никак нельзя оставить в стороне, чужестранец! Нам кажется, ты был вполне прав. Но как придумать такие средства?

Афинянин. Пока еще не будем говорить о средствах.
966 Прежде всего надо нам самим притти к согласию и прочно установить, следует ли нам вообще это делать или не следует.

Клиний. Конечно, следует, если только это возможно.

13

Афинянин. Что же дальше? Мыслим ли мы точно так же о прекрасном и о благом? Наши стражи должны ли знать, что каждое из них множественно, или что оно едино, вообще, каково оно?

Клиний. Пожалуй, естественно и необходимо считать это все единым.

Афинянин. И что же, достаточно ли только так мыслить, B
но не быть в состоянии доказать это какими-нибудь доводами?

Клиний. Как можно! Ты говоришь о свойстве, подходящем разве лишь рабу.

Афинянин. Так что же? Разве не то же самое скажем мы о любом заслуживающем внимания предмете: кто действительно станет стражем законов, тот должен действительно знать о них истину и быть в состоянии словесно ее излагать и подкреплять соответствующими делами, различая явления, прекрасные по своей природе и им обратные.

Клиний. Почему бы нет.

Афинянин. Разве не является одним из самых прекрасных C
предметов понятие о богах, которое мы усердно разобрали, именно: ведать, что они существуют, и явно владеть столь великой силой такого познания, насколько то возможно человеку; большинство же граждан можно извинить, если оно следует только тому преданию, которое содержат законы. Зато будущих стражей надо побудить к самому старательному усвоению полной веры в существование богов. Это побуждение будет состоять в том, чтобы никогда не избирать в законохранители и не включать D
в число граждан, испытанных своею добродетелью, человека не божественного и не потрудившегося на этом поприще.

Клиний. Справедливо твое требование, чтобы человека в этом отношении неспособного и бездеятельного забраковывать и удалять от прекрасного.

Афинянин. Итак, мы знаем, что относительно богов есть два убедительных довода, которые мы выше уже разобрали.

Клиний. Какие это доводы?

Афинянин. Один касается, как мы указывали, души, именно: E

она старше и божественнее всех вещей, движение которых, если присоединить к нему возникновение, создало вечную сущность. Другой довод—относительно перемещения, именно: наблюдается стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует разум, все упорядочивающий. Нет настолько безбожного человека, который, заметив все это не кое-как и не как невежда, не вынес бы как раз обратного впечатления, чем 967 какое выносит толпа. Ведь она думает, будто люди, занимающиеся наукой о звездах и необходимыми, следующими за нею, иными науками, становятся безбожниками, так как замечают, что происходящие явления, возможно, совершаются по необходимости, а не в силу разумной воли, направленной к осуществлению блага.

Клиний. Как же с этим быть?

Афинянин. Как я сказал, в наше время дело обстоит совершенно обратно тому положению вещей, чем тогда, когда мыслители мыслили эти явления неодушевленными. Впрочем, и тогда уже преисполнялись удивлением и подозревали здесь то, что теперь действительно установлено людьми, тщательно занимавшимися этим; уже тогда предполагали, что при неодушевленности тел, 1000 не обладающих разумом, не могли бы быть выполнены столь удивительно все точные расчеты. Некоторые даже отваживались и тогда уже выставлять рискованное положение, что разум привел в стройный порядок все небесные явления¹⁴⁰. Но те же самые люди снова допустили ошибку в понимании природы души, в том, что она старше тел; считая, напротив, ее младше, они снова, 1000 так сказать, разрушили все, а в особенности самих себя. Все небесные тела, носившиеся пред их очами, показались им наполненными камнями, землей и многими иными неодушевленными телами, на которые и разделились первоосновы вселенной. Вот это-то и вызвало тогда появление безбожия и отвлечение к занятиям этими вопросами. Прибавилось еще и поношение: поэты стали сравнивать философов с собаками-пустолайками и говорить тому подобные бессмыслицы. А сейчас, как 1000 было сказано, все обстоит обратно.

Клиний. Как так?

14

Афинянин. Никто из смертных людей не может стать твердым в благочестии, если не усвоит только что указанных двух положений: душа старше всего, что получило в удел рождение; она бессмертна, и правит всеми телами; вдобавок, как это мы не раз указывали, этот указанный в звездах разум—смысл всего существующего; необходимо усвоить эти предварительные знания, чтобы заметить их общность с мусическими искусствами и воспользоваться ими для нравственного усовершенствования в согласии с узаконениями, и чтобы быть в состоянии дать разумный отчет во всем том, что разумно. А кто не в состоянии, в дополнение к гражданским добродетелям, приобрести эти знания, тот едва ли когда будет удовлетворительным правителем всего государства; он будет только слугою другим правителям. Теперь, Клиний и Мегилл, нам нужно посмотреть, следует ли ко всем вышеуказанным и разобранным законам прибавить еще такой: будет установлен, согласно закону, охранительный орган для спасения государства, именно, Ночное Собрание правителей, достигших указанной степени образованности. Как мы поступим?

Клиний. Как же, друг мой, не прибавить нам этого, если это хоть сколько-нибудь для нас возможно.

Афинянин. Так вот, все мы и поведем упорную борьбу за это. Я тоже охотно буду вашим помощником в этом деле; кроме себя, я, может быть, найду и других помощников, благодаря моей большой опытности в этом деле и непрестанному его рассмотрению.

Клиний. Да, чужестранец, всего более надо итти по этому пути, раз чуть что ни сам бог ведет нас по нему. Теперь надо указать и исследовать, какой образ действий здесь был бы правилен.

Афинянин. О таких вещах, Мегилл и Клиний, еще невозможно устанавливать законы, пока все это еще не устроено. Лишь после этого надо будет установить законом, в чем именно члены Собрания будут полновластны. Но уже и теперь, в качестве

подготовительной меры, надо дать наставление, связанное с подробной беседой, если приняться за дело как следует.

Клиний. Как так? Как это понимать?

Афинянин. Прежде всего надо составить перечень тех лиц, кто годен для такой охраны по своему возрасту, по силе своих знаний, по нравственному складу, по привычкам. После этого нелегкая задача будет найти, что же именно изучать; также нелегко и стать учеником того, кто это нашел. Вдобавок, еще определенный срок, предназначенный для усвоения, именно: с какого времени надо обучаться и в течение какого срока,—установить все это письменно было бы напрасно. Ведь даже самим обучающимся неясно, что именно изучается вовремя, пока каждый в глубине души не приобрел знаний по данному предмету. Если сказать, что все сокровенные области знания недоступны, то это будет сказано неправильно, так как они недоступны именно потому, что не было предпослано разъяснений.

Клиний. Так как же поступить, чужестранец, раз все это так?

Афинянин. И для нас, друзья мои, повидимому, сохраняет свое значение поговорка: в середине сходятся крайности. Если бы мы захотели рискнуть всем государственным строем, то нам надо было бы поступить так, как говорят игроки: или бросить трижды шесть или три простых игральные кости¹⁴¹. Я хочу рискнуть вместе с вами тем, что я выясняю и истолковываю мои взгляды на образование и воспитание, опять возникшие в этой нынешней беседе. Да, риск здесь большой, и кому-нибудь другому он был бы не по плечу. Но тебе, Клиний, я советую приняться за это дело. Ведь ты либо получишь величайшую славу за правильное устройство государства Магнетов, — или тот, кто, по воле божьей, станет его эпонимом¹⁴², — либо неизбежно покажешься чрезвычайно мужественным в глазах всех последующих людей. Если же, дорогие мои друзья, создастся у нас это божественное Собрание, то ему надо вручить государство. Об этом нет спора ни у кого из нынешних, так сказать, законодателей. Действительно, только тогда вполне осуществится чуть что ни на яву то, чего мы коснулись в нашей предшествующей беседе, как какой-то мечты, когда мы дали образ разума, возглавляющего все, если члены этого Собрания будут у нас смешаны между

собою с самым тщательным отбором и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся в вышгороде над всей страной и будут совершенными стражами, каких, в смысле их спасительного значения для добродетели, мы никогда не видели в нашей предшествующей жизни.

Мегилл. Друг мой Клиний, на основании всего только что сказанного, нам надо или оставить устройство государства, или же не отпускать этого чужестранца, но всяческими просьбами и средствами заставить его принять участие в устройении этого государства.

Клиний. Ты совершенно прав, Мегилл; я так и сделаю, а ты помоги.

Мегилл. Помогу.
